КОНВОЙНАЯ КОМАНДА.

На Черномъ морѣ, супротивъ Очакова, есть островъ Ада, который укрѣпляли баттареями и въ работѣ этой были кинбурнскіе крѣпостные арестанты. Ихъ отвезли на островъ на барказѣ. Пришло время отдыха: день жаркій, конвойные утомились и расчитывая на то, что арестантамъ съ острова бѣжать некуда, крѣпко оплошали. Арестанты, сговорившись, вдругъ кинулись на барказъ, столкнувъ съ него двухъ или трехъ сонныхъ гребцовъ, ухватили весла и отвалили, прежде чѣмъ конвойные успѣли сбѣжаться.

Кромѣ барказа этого не было вблизи гребнаго судна; бѣдные матросы съ крикомъ бѣжали по берегу, провожая бѣглецовъ, какъ насѣдка, высидѣвшая утятъ: утята въ воду а она караулъ кричать; метались туда, сюда — вдругъ одинъ наткнулся на душегубку, на небольшую долбушку, которая съ трудомъ могла поднять двухъ человѣкъ. Не долго думавъ, махнулъ онъ унтеру, да захвативъ по

лишнему ружью, оба кинулись въ лодченку и пустились въ погоню.

Барказъ на ходу, конечно, былъ по тяжелѣ этого корытца и его скоро нагнали; на счастье погода была тиха. Одинъ правилъ и гребъ, другой, окликавъ бѣглецовъ, чтобъ гребли назадъ, за ружье, да пустилъ пулю по головамъ; да за другое ружье, да опять таки по головамъ. Арестанты видятъ, что дѣло плохо, закричали въ голосъ: топи ихъ, держи прямо на нихъ! Такъ подъ нашими конвойными душегубка увертлива, а весельце отъ рукъ не отбивается; увертываясь да увиваясь около барказа, они знай заряжаютъ да попаливаютъ, чуть не въ припоръ, безъ промаха.

Арестанты видятъ, что некуда дѣваться, взмолились о пощадѣ. Двое конвойныхъ заставили ихъ грести назадъ, къ острову, а сами строго провожали ихъ, зарядивъ напередъ ружья.

Такимъ образомъ они всѣхъ арестантовъ своихъ благополучно поставили на мѣсто; правда, половину только живыхъ, а на

половину перебитыхъ; но за это ихъ не обвинилъ ни кто; они вѣрно и славно исполнили долгъ свой и присягу.

Находчивость и расторопность двухъ человѣкъ спасла отъ большой бѣды и отвѣта цѣлую команду. Честь имъ и хвала!